

Театр без идеалов?..

Ашхабадские театры — старшего и среднего поколения помнят, конечно, времена, когда на сцене Русского драматического театра им. А. С. Пушкина жили, любили, страдали, искали истину и счастье, отстаивали честь и свободу герои Островского и Чехова, Пушкина и Лермонтова, Достоевского и Горького, Шекспира и Останова, Симонова и Шолохова, Арбузова и Розова, Сейталиева и Кербашева... Лучшее из спектаклей 50 — 80-х гг. были связаны с именами главных режиссеров — незабвенно-го Исидора Григорьевича Громова и Вячеслава Николаевича Аксенова.

А творческим подъемом в 80-е годы — это, не сомневаясь, не успели забыть и молодые поклонники драматического искусства — театр был обязан главным режиссеру Георгию Юлиановичу Нестеру и режиссеру Рамазану Хасадовичу Гехову. Человек и война, человек и власть, человек и революция, человек и нравственность — вот те вечные проблемы, которые в это десятилетие пытались разрешить, несмотря на внутреннее сопротивление, театр вместе со своими зрителями. Бывало — талантливо, чаще — просто хорошо, много

гда — и неудачно. И они, зрители, платили пушкинцам искренней привязанностью и любовью. За праздник, за смех и слезы, за высоту помыслов и чистоту чувств, за пробуждение желания быть лучше, чище, добрее.

Но пришли иные времена, а в театр — иные люди. И афиша пушкинцев заперестала называться сначала откровенно «кассовых» спектаклей, а затем до нас докатилась и жуткая, сломанная волна модной «чернухи». И зритель ушел из театра. Ушел потому, что театр забыл, что он Театр и у него — высокое предназначение. Забыл, что он просто обязан во все времена — старые и новые — быть ЗА человека и ВО ИМЯ человека. Но никогда — ПРОТИВ.

А что касается модных поверий в искусстве, то стоит прислушаться к мудрому совету Чехова: «Что художественно, то и ново».

Взглянуть на сегодняшнее положение Русского театра как бы изнутри, по просьбе редакции, попытались в предлагаемом диалоге народная артистка Туркменистана Лариса Петровна КАЗАКОВА и театровед Фрида Клычевна ЕМЕЛЬЯНОВА.

Ф. К.: Когда-то нас заставляли посещать политзанятия и политшколы, проводить политчасы. Как недавно — и как давно — это было? Изучали кем-то сочиненные документы, объясняющие необъяснимое: экономика должна быть экономной, интеллигенция производительная и т. д. Изучали, но при этом не имели права высказать свое мнение. «Активная жизненная позиция» требовалась, но инициатива была наказуема. «Глубокая убежденность в отстаивании интересов» была необходима, но часто означала «перегиб» или «эристрастие», если твоё мнение расходилось с суждением власти имущих.

Помню, после окончания Государственного института театрального искусства им. А. В. Луначарского преподавала в ашхабадском культурно-просветительском институте. Надо было объяснить студентам постановление партии 1946 года о журналах «Звезда» и «Ленинград», о творчестве А. Ахматовой и М. Зощенко, опере В. Мурадели «Великая дружба» и симфониях Д. Шостаковича. Говорю ребятам: не слышала ли этой оперы, ни этих симфоний и не могу судить, правильно ли это постановление. А что касается Зощенко и Ахматовой, то я не согласна с оценкой этих писателей, данной в постановлении. Через два дня после этого разговора меня вызвали в райком партии и провели со мной беседу, а заодно поинтересовались моим морально-политическим обликом. Правда, от преподавания не отстранили — и на том спасибо, но шел уже 1956 год.

Впрочем, вы, Лариса Петровна, сами не раз были парторгом в театре и все это знаете не понаслышке. Хорошо, что эта «политика» позади. А что и сейчас? Ведь теперь никто не за-

ставляет нас заниматься политической, но мы все втянуты в нее со страшной силой. Говорю себя на том, что в газетах и телепередачах пишу прежде всего информацию о положении в стране. Она для меня по-прежнему существует, несмотря ни на какие независимости и суверенитеты. Даже спектакль по телевизору не смотрю — неинтересно. А ваше восприятие нашего сегодняшнего дня?

Л. П.: Следишь «много» находишься в обществе критики. Я ее воспринимаю как радиацию. Разовая ли ее доза, или она постепенно накапливается в организме — результат один, — разрушение. В этом я вижу главное зло.

Ф. К.: Нужен ли театр в такой обстановке, Лариса Петровна?

Л. П.: Было бы еще более страшное время — война, еще раньше — 37-й год, первая мировая, гражданская, и театр был всегда, даже вопроса не возникало о его ненужности. С появлением телевидения — мрачные скептики объявили об умирающем театре, но какой театральный подъем произошел вслед за этим предсказанием! «Современники» Ефремова, театр Эфроса на Малой Бронной, Гончаров, Товстоногов. Васильев... Шестидесятые — семидесятые годы прошли под знаком театра.

Кто-то сказал: надежда умирает последней. У нас надежда была надежда. Понимаю, не умерла — будет место и театру. А если встанет вопрос, нужен ли театр, то это — симптом, что надежда умирает.

Ф. К.: Это с чьей точки зрения — зрителей или самих деятелей искусства? Ведь творческие работники, разочаровавшись в политике, выходят из партии, а разочаровавшись, кажется, в необходимости искусства, про-

должают — нет, не служить ему, как раньше встарь, — им заниматься. Может быть, надежда на возрождение интереса к театру и самого театра все-таки не потеряна?

Л. П.: Я имею в виду искусство как смысл существования. Для творческого человека другого быть не может. Для него искусство — это еще и способ существования. Должен быть баланс между тем и другим, это естественно. Тогда это — живой театр. Но когда театр — только служба, тогда это — мертвый театр.

Наверное, наше государство не думало об этом, когда сделало все, чтобы работа в театре стала непрестижной, особенно в провинции. Сегодня наш театр — это не способ высказаться о самом наиболее важном и дорогом и не смысл жизни, а служба, обыкновенная служба, как многие другие. Без полной отдачи, без творческого вдохновения артисты уже не художники, а просто служащие.

Ф. К.: Я согласна, что в театре, как вообще в искусстве, стало больше служащих. Но даже если есть небольшая группа художников (артистов, музыкантов, режиссеров и т. д.), творческих личностей, которым есть, что сказать людям, и они находят для этого художественные средства, а их никто не слушает, — кому высказывают они свою боль, свои мысли?

Л. П.: Я прошу Бога вернуть мне надежду! Я буду знать, что делать, если я поверю, что это кому-то нужно.

Ф. К.: Я все-таки верю, что театру нужен. И во мне теплится надежда, что еще есть люди, которые тоскуют по театру и верят, что красота — искусство — спасает мир.

Л. П.: Наверное, их очень мало. Зритель остался единичным.

Ф. К.: Тогда может быть, сегодня нужен театр элитарный? Этот театр и будет той свечкой в конце тоннеля, которая, может, потуснеет, но, может, и будет светить...

Л. П.: Искусство театра, на мой взгляд (и не только на мой), элитарно. Оно для избранных. А массовые зрелища... Хоры свое время и место. Хоры прибалтийских народов — это прекрасно. Но у нас сейчас такой период, когда мы разбрасываем камнями. И никто их не собирает. А пора бы уже начать.

Ф. К.: Зритель уходил из театра и возвращался. А теперь, не кажется ли нам, театр сам ушел от зрителя?

Л. П.: Когда общество пребывает в таком неуравновешенном состоянии, когда есть шовинство, хамство, неверие, да еще «чернуха» и «порнуха» со сцены, конечно, зритель уйдет из театра. Ведь то, что сегодня идет зачастую в театре, — та же радиация, которая и так уже в обществе на критической отметке. В связи с этим я чувствую свою полную неопределенность в жизни театра. Я просто в него не вписываюсь. Вся жизнь была беспредельная отдача, а сегодня это не требуется.

Ф. К.: Это — ваше собственное нынешнее положение в Русском драматическом театре им. А. С. Пушкина. А как вы понимаете его положение в республике в данный момент? Я не имею в виду, конечно, его нынешний капитальный ремонт.

Л. П.: А чем положение Русского театра особенно отличается от положения оперного, да и любого другого?

Ф. К.: Но в последнее время многие деятели искусства удостоены званий и наград...

Л. П.: Конечно, это радует — люди заслужили. Но мне это напоминает награждение осаждаемых в крепости после поражения... Есть ощущение, что «миллионные долги» годами работы театральных коллективов растеряли.

Ф. К.: Что могло бы вывести искусство из этого состояния? Если вы получите роли, о которых мечтали, и будете играть в хороших пьесах, ваша личная проблема будет решена?

Л. П.: Это не моя личная проблема. Для себя я ее худобно как-то решила. Брала пьесы, которые мне нравились, и ставила самостоятельно, но сегодня это не нужно ни зрителю, ни театру.

Ф. К.: С театром проще: пройдет время, актеры и режиссеры поймут, что надо работать по-другому, или просто придут новые люди, как это чаще всего бывало, и начнется нечто новое. А

со зрителем — сложнее. Давно известно, что зрители надо выращивать — воспитывать, образовывать, как и актера или режиссера. Настоящие театры этой благородной работой занимались.

Л. П.: Для этого нужны талантливые, самостоенные люди, которые будут делать свое дело, несмотря ни на что.

Ф. К.: Жизнь потратит сильнее, чем театр, и она сейчас воспитывает людей. Может ли театр конкурировать с ней?

Л. П.: И может, и должен. И не надо искать в театре похоти на жизнь — это уже было. Сейчас надо другое. Я уверена: традиционный театр перестал быть в театре, и тогда не надо было бы его воспитывать на баррикадах. Театр должен быть сегодня психологическим. Ибо потрясения жизни нельзя сравнить с потрясениями в театре. Он silent другим: он учит сопереживать ближнему.

Ф. К.: Если бы от вас зависело и вас, Лариса Петровна, спросили: что делать?

Л. П.: Если судьба Русского театра кого-то еще сегодня волнует, то следовало бы, на мой взгляд, обратиться к городским властям Ашхабада и попросить их взять театр под свою опеку. Если театр станет городским, у него будет хозяин, и он сможет, должен будет пригласить мастера, главного режиссера, который вложит жизнь в безданный ныне коллектив.

Должен измениться и сам наш коллектив. С чувством горечи и боли вспоминаю я, с каким удовлетворением приняла труппа уход из театра своих лучших артистов, интереснейших режиссеров. Несколько лет назад это были Ольга Амаляна, Александр Краснопольский, ряд одаренных молодых артистов. Уехали из Туркменистана режиссеры Г. Нестер, Р. Гехов. А совсем недавно целенаправленно и организованно были «выдвинуты» актеры Александр Константинов и Александр Назаров, кто по праву удерживал творческое лидерство в коллективе и был любим зрительями. Это черное дело не могло остаться безнаказанным. Профессиональный уровень труппы неудержимо падает, и зритель платит нам за это равнодушием и забвением. Завышенность самооценки и ложность критериев существования повышают степень ответственности к себе — потому что зритель не может не замечать, когда творчество вырождается и мы идем к не достижимому идеалу в искусстве. Хотя, прощу прощения, понимаю, насколько не уместны сегодня разговоры об идеалах. Но отсутствия высоких идеалов в нашей жизни требует, как никогда, присутствия их на сцене!